

© 2011 г.

Н.И. БУХАРИН, И.С. ЯЖБОРОВСКАЯ

ВЛАДИСЛАВ ГОМУЛКА: НА ПОВОРОТАХ ИСТОРИИ

Владислав Гомулка (1905–1982) – один из крупнейших партийных и государственных руководителей Польши на важных этапах ее истории XX в. Рабочий-самоучка, ставший профсоюзным лидером после обретения Польшей независимости в 1918 г., в годы Второй мировой войны энергично боролся за объединение Движения сопротивления, руководя его левым крылом, активно участвовал в послевоенном восстановлении стран и вырос до Генерального секретаря ЦК Польской рабочей партии (ППР), первого вице-премьера и министра возвращенных земель (1943–1949 гг.). Не принимая жесткого сталинского курса, он в 1948–1949 гг. был обвинен в “правонационалистическом уклоне” и провел в тюрьме 1951–1954 гг.

В период “оттепели”, в октябре 1956 г., на VIII пленуме ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), был избран ее первым секретарем. Его политическая линия пользовалась поддержкой подавляющего большинства польского общества. В. Гомулке удалось соединить верность союзу с СССР с правом на проведение самостоятельной внутренней политики, которая предусматривала модернизацию экономики, сохранение частного сектора в сельском хозяйстве, нормализацию отношений с католической церковью, большую свободу культурного и научного творчества. Благодаря его усилиям в декабре 1970 г. произошло подписание договора с ФРГ о нормализации польско-немецких отношений и польской западной границе. Он был авторитетным деятелем международного коммунистического и рабочего движения.

СТАНОВЛЕНИЕ РАБОЧЕГО ЛИДЕРА

Владислав Гомулка родился 6 февраля 1905 г. в околицах польского городка Кросно, в бедной рабоче-крестьянской семье. Тогда это была территория Австро-Венгерской монархии. Его детство и юношество пришлось на бурные годы Первой мировой войны и воссоздания независимого польского государства, наложившие отпечаток на всю его биографию. С ранних лет он ощущал тесную связь с освободительными устремлениями народа, что отнюдь не ущемляло его раннее включение в классовую борьбу. После начальной школы юноше пришлось зарабатывать на жизнь слесарем-нефтяником. В 17 лет под влиянием отца, члена Польской социалистической партии Галиции и Тешинской Силезии, он стал активистом молодежной просветительной организации “Сила”, читателем, а затем и корреспондентом легальной левой печати. А в 19 лет он, проявив исключительную силу воли, смело выступил на митинге с критикой пассивности Польской социалистической партии, за активную защиту социальных прав рабочих. Гомулка стал лидером профсоюза химиков и получил возможность изо дня в

Бухарин Николай Иванович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Яжборовская Инесса Сергеевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН.

день отстаивать их права, бесстрашно вмешиваясь в отношения с предпринимателями и организуя забастовки, хотя ему нередко приходилось ложиться спать голодным и без крыши над головой.

Когда легальная деятельность исчерпала свои возможности, молодому активисту стала ближе тяготевшая к коммунистам Независимая крестьянская партия, а вскоре он был принят в компартию Западной Украины. В 1927 г. Владислав перебрался в Варшаву и со свойственными ему чувством ответственности и дотошностью включился в подготовку и подписание на предприятиях коллективных договоров, преодолевая разброс интересов и сектантство множества профсоюзных и партийных организаций. Это стало несравненной социально-экономической и политической школой отстаивания интересов людей труда. Хотя профсоюзная деятельность формально считалась легальной и существовало право на забастовки, Гомулка был арестован за “подстрекательство к стачке” – за попытку организовать выступление всей рабочей Варшавы. В это время на фабрике “Пломык” была арестована и делегатка от рабочих З. Шокен. Защитить ее от увольнения не удалось. Но эти события положили начало их общему жизненному пути, воспитания вставшего на тот же путь революционной деятельности сына – Рышарда Стшелецкого.

В 1931–1932 гг., уже будучи членом Центрального профсоюзного отдела ЦК Коммунистической партии Польши (КПП), нацеливаемого сектантами на борьбу с “социал-фашистскими” профсоюзами, он с немалым трудом объединял силы левых. После ряда попыток ему, как секретарю общепольской организации прокоммунистических левых профсоюзов, удалось сплотить польские, немецкие и еврейские отряды рабочего класса и летом 1932 г. провести всеобщую стачку лодзинских текстильщиков. На совещании их актива, получив во время полицейской облавы тяжелое ранение ноги, он вновь был арестован. Хромота преследовала его всю жизнь.

Поскольку в связи с требованием Профинтерна легализовать левые профсоюзы под соответствующим воззванием была проставлена без ведома Гомулки его фамилия как секретаря Общепольского комитета, он был отдан под суд и получил четыре года тюрьмы. После освобождения из тюрьмы ему пришлось выехать в СССР, где он был направлен в Международную ленинскую школу, в которой готовились руководители из рабочего актива. Биография несколько прямолинейного, но весьма волевого, целеустремленного, открытого и преданного “делу” рабочего-самоучки, имевшего солидный опыт деятельности на низовом уровне и далекого от раздраживших польскую компартию внутрипартийных распрей, казалось, была идеальной для этой цели. В школе он прошел такую подготовку, которая вполне отвечала его тяге к расширению идейно-политических взглядов. Это еще не означало основательного освобождения от идеологических деформаций того времени. К примеру, сталинские стереотипы осуждения “люксембургизма” он преодолевал несколько лет.

Ко времени возвращения Гомулки в Польшу, в Коминтерне утверждалась тактика единого левого фронта, формировалась концепция национально-демократического фронта. Но для начавшей проявлять после VII конгресса Коминтерна (1935 г.) “излишнюю” самостоятельность компартии Польши, репрессии против деятелей которой по обвинению в проникновении в ее ряды “provokatorov” начались в Москве уже в 1934 г., это был сложный период, который привел к ее роспуску в августе 1938 г.

С осени 1935 г. Гомулка действовал в пролетарской Верхней Силезии как руководитель округа КПП, готовя всеобщую стачку горняков против увольнений и использования вахтенного метода – ограниченной занятости рабочих. Ему удалось объединить усилия коммунистов и социалистов в правлении центрального профсоюза горняков и в ноябре обеспечить успешный исход борьбы. В апреле следующего года в рамках того же курса единого фронта развернулась подготовка празднования 1 Мая. Однако 30-летнему, опытному, зрелому коммунисту-практику, не удалось в нем поучаствовать: 25 апреля 1936 г. он, как деятель нелегальной КПП, был арестован и осужден на 4,5 года тюрьмы, откуда вырвался только в начале сентября 1939 г., в вихре обрушившейся на Польшу Второй мировой войны. Перебравшись во Львов, где утвердилась советская

власть, он получил назначение на пост директора небольшой фабрики, а после нападения нацистской Германии на СССР вернулся в Польшу и стал активным участником подпольной борьбы, поиска путей включения в Движение сопротивления различных сил народа для ускорения процесса освобождения страны.

Тем временем И.В. Сталин, думая о послевоенном будущем Польши, начал формировать в Москве из нескольких членов распушенной компартии Центральное бюро польских коммунистов (ЦБПК) и “инициативную группу” для создания новой партии внутри страны. В то же время попытка воссоздать на оккупированной территории компартию была пресечена из Москвы, а коммунисты, осуждавшие советско-германские договоры и протоколы 1939 г., были репрессированы как “провокаторы” и “агентура фашизма” (эта партия и ее деятели будут реабилитированы 21 февраля 1956 г.)¹.

В январе 1942 г. переброшенной в страну “инициативной группой” была основана Польская рабочая партия (ППР). Едва заявив о себе, она понесла большие потери. Гибель ее руководителя М. Новотко, арест и казнь П. Фидлера и М. Форнальской лишили партию ведущих, проверенных Москвой лидеров. Несмотря на рекомендацию готовившей новую кандидатуру Москвы повременить с довыборами ЦК ППР, 23 ноября 1943 г., без требуемого с коминтерновских времен согласования с Центром, ее первым секретарем был избран рабочий лидер “Веслав”. Получив из Варшавы шифровку с подписью “Весл”, сталинское руководство было весьма обеспокоено. Только через несколько месяцев удалось выяснить, что это включенный в июле 1942 г. по рекомендации Новотко в состав ЦК Гомулка². Так “Веслав” не только попал в когорту руководителей ППР, но вскоре и возглавил ее. С января 1943 г. он уже входил в “руководящую тройку” партии, отвечая за идеологию и партийную печать. Именно тогда, в ходе уточнения направлений и форм борьбы с оккупантами, Гомулка вначале обратился с Открытым письмом к представлявшей польское правительство в эмиграции Делегатуре в стране, а затем в феврале 1943 г. непосредственно участвовал в переговорах с ней и главным командованием Армии Крайовой. Гомулка считал, что нельзя медлить с собиранием сил, пока народ “не ослаблен до такой степени, которая сделает его вообще не способным вести вооруженную борьбу”. Неоднократно повторяемое предложение “протянутой руки” ко всем патриотическим силам страны включиться в совместную, активную антигитлеровскую борьбу было бескомпромиссно отвергнуто большинством подполья как “предложение, инспирированное Москвой”. В этом свою роль сыграл разрыв СССР отношений с польским правительством в эмиграции в связи с обнаружением следов катынского преступления³. Большинство польского общества, в котором левые не имели скольконибудь существенного влияния, не было готово к основательным геополитическим и социальным переменам.

У ИСТОКОВ НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

Настойчиво продолжая попытки объединить для освободительной борьбы против фашистских оккупантов способные на это национальные силы, Гомулка начал со сплочения левых, обратившись с письмом к демократическим, прогрессивным структурам – руководству Рабочей партии левых социалистов (РППС) и левого крестьянского движения (СЛ РОХ), к включившимся в антигитлеровское сопротивление левому крылу – “Батальонов Хлопске”. В новогоднюю ночь 1944 г. по его инициативе был создан политический центр левых в стране – Крайова Рада Народова (КРН). Она объединила на принципах автономии боевые формирования этих структур в Армию Людову, которая декретом КРН от 21 июля 1944 г. стала составной частью Людового Войска Поль-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 495, оп. 74, д. 425, л. 34 – 35; д. 428, л. 107–108 об.

² Там же, л. 11, 30; д. 437, л. 9.

³ *Nazarewicz R. Spór o przyszłość Polski. – Władysław Gomułka i jego epoka. Warszawa, 2005, s. 24–26.*

ского. На эти силы предполагалось опереться при создании новой власти после освобождения страны.

У Сталина были свои планы в отношении засекреченного ЦБКП как важнейшего рычага становления межпартийных советско-польских отношений и оформления при его помощи новой, левой власти. С самого начала было оговорено, что о деятельности бюро не будут информированы другие польские коммунисты ни в Советском Союзе, ни в Польше (ЦК ППР узнал о существовании ЦБКП только в сентябре 1944 г.).

Одновременно для сведения союзников по антигитлеровской коалиции предпринимались формальные шаги по созданию из различных легальных политических сил Польского национального комитета (ПНК).

В январе 1944 г. Гомулка, придерживавшийся открытости в межпартийных отношениях, направил в Москву от имени ЦК письмо, в котором выразил сомнения в целесообразности создания в СССР такого рода организаций и несоординированных действий. Он настаивал на том, чтобы право решать дела Польши имели те институты, которые “образованы в стране или ею созданы”, в первую очередь КРН, а также сформированы ею и находятся с нею в тесном контакте. Созданная как политическое представительство польского народа, ядро будущей власти, КРН рассматривалась в Москве лишь как механизм для организации вооруженного сопротивления.

Сталин с подозрением относился к “Веславу”, не веря, что он сможет проводить “должными” методами нужную ему глобальную стратегию послеялтинского порядка. Поэтому он лишил Гомулку возможности участвовать в создании в Москве замышлявшегося как основа будущей исполнительной власти в стране Польского комитета национального освобождения (ПКНО). Именно на это в письме Г. Димитрову от 10 июня 1944 г. и указывал Б. Берут, воспринимавший “Веслава” как соперника. Руководствуясь принятой в Коминтерне схемой иерархической подчиненности, Берут считал необходимым найти управу на Гомулку, вернув его к коминтерновской модели межпартийных отношений при помощи традиционного командирования уполномоченного из Москвы⁴. Согласно той же традиции, Сталин лично проверил и утвердил узкий, засекреченный состав ЦБКП, при помощи которого осуществлялось воздействие на легально создаваемые в СССР левые польские организации – Союз польских патриотов (СПП), ПНК, а затем ПКНО. Демонстрируя видимость демократического решения вопроса о будущей власти в Польше, Сталин пригласил в Москву группу польских политических лидеров, в том числе лидеров входивших в КРН партий, будущих министров и вице-министров, но без Гомулки. Не выпустив из рук ни подбора кадров для ПКНО, ни создания этого органа, но демонстрируя при этом учет мнения польской стороны и обеспечив видимость ее “волеизъявления”, Сталин стал хозяином положения⁵.

Подписанное 26 июля 1944 г. соглашение между правительством СССР и ПКНО об отношениях между советским главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши передавало Сталину верховную власть в делах, относившихся к ведению войны. На деле решалась намного более широкая проблема. Партийно-государственное строительство в освобождаемой Польше начиналось почти с нуля. В Люблине в августе 1944 г. было создано Политбюро ППР, в которое вошли преимущественно прибывшие из СССР члены ЦБКП.

Формально ППР не входила в Коминтерн (да он уже и не существовал к моменту вступления Красной Армии на территорию Польши), но на эту партию были полностью распространены коминтерновские принципы формирования кадровых элит, строгой иерархичности кадровой политики, организационного руководства и внедрения административно-командного стиля управления страной. Назначение и передвижение руково-

⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 1161, л. 24.

⁵ Подробно см.: *Язборковская И.С.* Согласовать со Сталиным (советско-польские отношения и проблемы внутреннего устройства Польши в конце 1943 – начале 1945 г.). – У истоков “социалистического содружества”: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995.

дящих кадров определялись преданностью лично Сталину. Именно эти кадры “решали все” в реализации сталинской политики⁶.

Ситуация в освобождаемой Польше была очень сложной: социальная база новой власти, которую поддерживали в Москве, была весьма слабой; действовавшая в подполье достаточно сильная Армия Крайова не прекращала напряженную борьбу за власть. Возрождение страны, государственное строительство и ускорение ее социально-экономического развития зависели от установок и опыта кадров ППР. Для одной части этих кадров то был опыт межвоенного периода, для другой – сугубо коминтерновский императив, усиленный обстановкой репрессий – роспуском КПП. Определенная часть членов ППР корректировала это наследие в ходе борьбы с оккупантами. От противоборства отражавших имевшиеся различия тенденций в значительной мере зависели характер утверждавшегося режима и развитие отношений с СССР, верификация закладываемых основ партии-государства.

Поездка польской делегации в сентябре 1944 г. в Москву завершилась “октябрьским поворотом” – переходом от политики репрессий НКВД в прифронтовой зоне к расширению ее масштабов на всю страну ввиду шаткости позиций власти: если Красная Армия отойдет, то глубокие преобразования проведены не будут. Проявляя беспокойство по этому поводу, Сталин вопрошал: “С кем вы останетесь?” Берут процитировал его ответ на этот вопрос так: вас “перестреляют как куропаток”⁷.

В такой сложной ситуации начинал свою государственную деятельность Гомулка в качестве вице-преьера и министра по делам возвращенных территорий. На февральском (1945 г.) пленуме ЦК ППР он ориентировал партию на установление послевоенного порядка в стране на основе продолжения курса на формирование возможного в тех условиях варианта национального фронта как политической основы новой власти – на добровольное соглашение и здоровый компромисс четырех партий (с социалистами, СЛ и Демократической партией), опирающихся на собственные программы. Однако в ППР уже набирала силу другая тенденция – стремление опираться на власть партийного аппарата и административные методы управления. В политбюро и ЦК были введены в большинстве члены ЦБКП. Они же занимали и ключевые посты в ПКНО и армии. Приехавшие из СССР бывшие члены КПП стали определять на основе советского опыта облик и функционирование партии, закладывали основы политической системы и направление развития политического режима. Гомулка пытался противостоять внедрению принципа “клана” в партийную жизнь. На первом совещании актива в Люблине 5 августа 1944 г. он выдвинул задачу проведения выборов в партии, что отразилось бы на ее внутренней жизни и складывании межпартийно-межгосударственных отношений вовне. Вначале демократические механизмы по существу не действовали. До конца 1945 г. все органы высшего эшелона выделялись из состава ЦК. На местах голосовал лишь актив, выбирая присланного воеводским комитетом уполномоченного для голосования на следующем уровне. Голосование было явным. Так подбирался в декабре 1945 г. и состав I съезда ППР – 60,6% делегатов были бывшими членами КПП⁸.

Гомулка провел огромную организационную работу по подготовке съезда, выступил на многочисленных собраниях и совещаниях. Он предложил съезду обширную программу восстановления и развития страны и был избран Генеральным секретарем партии. В конце 80-х годов бывший секретарь ЦК ПОРП А. Верблян свидетельствовал: “Без риска ошибиться можно сказать, что после освобождения страны ППР выдвинула в качестве своего лидера на пост генерального секретаря самого лучшего человека, какого имела. Самого лучшего в смысле квалификации и черт, необходимых для исполнения этой функции”⁹.

⁶ Подробно см.: *Язборовская И. С.* Некоторые аспекты отбора, функционирования и ротации кадров в Коминтерне. – Международная организация коммунистов. М., 1990.

⁷ *Archiwum akt nowych* (далее – ААН), 295, v-1, k. 12, 14, 15.

⁸ *Kolomejczyk N.* PPR. 1944–1945. Warszawa, 1965, s. 175, 176, 294.

⁹ *Werblan A.* Władysław Gomułka. Sekretarz generalny PPR. Warszawa, 1988, s. 620.

Резолюция съезда предписывала выдвигать новые кадры и укреплять партию. Но на практике сохранили свое влияние носители старой политики. В руководящие партийные инстанции были кооптированы, а не избраны, Берут и ряд деятелей, вокруг которых закладывались основы “партии-государства”. Этот слой руководства диктовал стиль, формы и методы работы. Таким образом, укрепление позиций воспитанных в Коминтерне кадров и складывавшейся модели двусторонних отношений на основе традиционной иерархии, контактов части польского руководства с Отделом международной информации (ОМИ) в Москве продолжалось. В руководстве партии шло соперничество между Гомулкой и Берутом с его группой, которые относились к Гомулке с определенным недоверием.

Отношения между Гомулкой и Сталиным складывались сложно. Сталин не упускал случая и за глаза покритиковать его, а то и оказать прямое давление. Гомулка должен был, практически ежемесячно, приезжать в Москву для урегулирования множества вопросов – репараций, пребывания советских войск на польской территории, вывоза сырья, демонтажа предприятий на западных землях, действий советских органов безопасности и развертывания “на фоне аграрной реформы” репрессивной и судебной кампании “ в ответ на акции реакции”¹⁰.

После заключения 21 апреля 1945 г. Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой Гомулка, намереваясь наладить отношения с Москвой на новых, более официальных основах, говорил на встрече со Сталиным о необходимости совершенствовать политическую линию и отойти от административных методов. Сталин ответил на это мерами по укреплению межпартийных отношений в прежнем иерархическом ключе. Польский лидер оценил этот период так: “Собственно, весь 1945 год – это трудные споры со Сталиным по вопросам Польши”. Когда Гомулка в связи с арестом 16 руководителей лондонского подполья пытался объяснить Сталину, что такое нарушение суверенности Польши влечет за собой вредные последствия для ППР и правительства, да и для самого Советского Союза, тот жестко поставил его на место: “Вы говорите так, как будто вы – шеф большого государства, а вы – руководитель слабой партии и слабой страны, которую мы освободили. Они стреляли в наших людей, и мы привлечем их к ответственности”. Выслушав аргументы Гомулки о том, что польские власти справились бы и сами, Сталин не возразил, но менять ничего не стал. Позже Гомулка вынужден был признать: “Развитие событий в Польше в 1944–1948 гг. проходило совершенно иначе, чем я ожидал”¹¹.

10 мая 1945 г. В. Гомулка должен был отчитаться в ОМИ о положении в Польше и политике ППР, а Г. Димитров – “подправить” его позицию. Польский руководитель настаивал на правомерности отказа партии от форсирования преобразований в области экономики, на повышении роли политических методов руководства. Димитров, наоборот, требовал введения однопартийности, усиления репрессий, вплоть до создания концлагерей. Характерно, что Гомулка подчеркивал необходимость считаться с волей польского народа, указывал на правомочность решений своей партии. Он отвергал концепцию монопартии, негативные оценки союзнических партий и их деятелей, указывал на важность строительства двусторонних отношений с СССР на партнерских межгосударственных отношениях, ссылаясь на существование в польском народе мнения, что такие отношения “должны быть построены на равных основах”, делал упор на нормальные договорные отношения двух государств. Таким образом, Гомулка открыто давал понять, что не намерен мириться со старыми представлениями о направлениях и содержании партийной работы, с предлагаемым характером межпартийно-межгосударственных отношений¹². После возвращения в Варшаву он провел ряд крупных мероприятий в поддержку своей заявленной в Москве позиции: заседание Политбюро, пленум ЦК, партийный актив. В письме Сталину Гомулка однозначно подтвердил установки партии

¹⁰ ААН, 295, v-1, k.13.

¹¹ Archiwum ruchu robotniczego, t. IX. Warszawa, 1984, s. 27.

¹² РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 750, л. 146–147, 150–155.

по основным обсуждавшимся вопросам. Он предлагал откорректировать отношения таким образом, чтобы исключить вмешательство советских представителей и насаждение в Польше советских образцов, которые привносят сектантство в жизнь ППР, методы административного давления в функционирование государственного аппарата¹³.

Польский лидер старался искоренять негативные явления в жизни партии. На майском пленуме 1945 г. с его подачи были осуждены проявления сектантства и поставлен вопрос о необходимости порвать с методами администрирования и командования в партии, отстранения их носителей от воздействия на политическую жизнь – вплоть до исключения из партии, передачи под суд и публичных процессов¹⁴. Но даже такие жесткие меры уже не могли гарантировать подлинного обновления ППР. Политическая система в основных чертах сформировалась, механизмы управления сложились со значительным удельным весом модели “клана”. Бюрократический стиль партийной работы в значительной степени укоренился. С подачи Москвы другие политические образования – крестьянское Стронництво Людове (СЛ) и ППС уже не рассматривались как серьезные партнеры. В процессе подготовки объединения рабочих партий ППС приходилось существенно изменять содержание своей политической платформы. Народно-демократическая модель развития подвергалась ломке. Возможности реализации демократического потенциала польского общества были существенно сужены. Однако Гомулке удалось постепенно снизить накал противостояния в польском обществе, дважды, в 1945 и 1947 гг., инициировав амнистии для тысяч участников подполья и вернув их к нормальной жизни.

Коррективы двусторонних отношений оказались половинчатыми и кратковременными. Они деформировались в духе культа личности. При этом Сталин при контактах с польскими руководителями проявлял большую осторожность, внося в общение умиротворяющую тональность – “старался оставить впечатление, что он советуется, консультируется”¹⁵. Гомулка сохранял независимость суждений, придерживался товарищеских, более демократичных принципов общения. Коминтерновский стиль он не принимал, открыто формулируя свои сомнения в целесообразности создания Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформа), видя в нем возврат к Коминтерновским стереотипам. Он не согласился и на размещение Информбюро в Варшаве. Расхождение позиций польского лидера со сталинской линией с неизбежностью вылилось в сентябре 1947 г. в открытый конфликт в Политбюро ЦК ППР. Сформированная на прежних идеологических стереотипах “старая гвардия” ППР приняла сталинский поворот.

Как Гомулка рассказывал А. Вербляну, в апреле 1948 г. к нему обратился советник посольства в Варшаве В. Яковлев с предложением подписать письмо ЦК ВКП (б) с осуждением линии КПЮ. В ответ он услышал, что это ошибочная и вредная позиция, которая ведет к расколу коммунистического движения. Правда, Гомулка, по его словам, тогда оговорился, что политбюро с позицией ВКП (б) согласится, поскольку большинство его членов поддержит любое предложение Сталина. Что и произошло на следующий день, когда он представил на политбюро советские предложения и свою записку о беседе с Яковлевым. Министр промышленности Х. Минц отреагировал словами: “Ишь какой ты резвый!”. На вопрос Вербляна, почему Гомулка повел себя так, тот ответил, что хотел выйти из руководства партией и не брать на себя ответственность за новый политический курс¹⁶.

Сталин поддерживал за спиной Гомулки прямую связь с несколькими членами политбюро, постоянно давал им понять, что он недоволен поведением польского лидера. В результате последний был “отсечен” от руководства партией. Политический курс Гомулки, направленный на демократизацию и укрепление суверенитета страны, был ква-

¹³ *Werblan A.* Nieznany list Wł. Gomułki do Stalina. – *Dziś*, 1992, № 7, s. 96–103.

¹⁴ *Protokół obrad KC PPR w maju 1945.* Warszawa, 1992, s. 16.

¹⁵ *Ptasiński J.* Pierwszy z trzech zwrotów. Warszawa, 1983, s. 116.

¹⁶ *Werblan A.* Notatka. – *Polityka*, 23.XII.2010.

лифицирован как “правонационалистический уклон”, как пропаганда не приемлемого для этой части партийного актива концепции “польского пути к социализму”.

Гомулка был отстранен от руководства партией. Апогеем противостояния были обвинения по обеим линиям двусторонних межпартийно-межгосударственных отношений: “недоверие к СССР, к идеологическим принципам и политике ВКП (б)” (в том числе в связи с югославским конфликтом) и “недооценка роли СССР в борьбе с международным империализмом”¹⁷. Это было обоснованием и оправданием запуска механизма смены польского руководства и перестройки слившихся в единое целое межгосударственных и межпартийных отношений на прежних принципах иерархии, послушания, подчинения. Эта же модель была внедрена и в союзнические партии вместе с соответствующим эшелон специально подготовленных кадров. На эту волну настраивалась вся польская политическая система, “нарастало прямое копирование внутривластной жизни, идеологии и политики ВКП(б)”¹⁸.

Гомулка выступил с покаянием на августовско-сентябрьском пленуме 1948 г., где он, тем не менее, отмежевался от схематического видения путей дальнейшего развития страны и подчеркнул, что польский путь несет черты своеобразия, что отнюдь не означает отрыва от советского опыта. Он продолжал настаивать, что отношения с СССР и ВКП(б) – “это не столько партийные отношения между ВКП(б) и ППР, они ближе к государственным отношениям между Польшей и СССР, добрым союзническим отношениям, дружественным, но скорее государственным, а не партийным”¹⁹. Под мощным давлением своих противников Гомулке пришлось признать ошибки в аграрном и национальном вопросе, что усиливало его политическую изоляцию и вело к дискредитации. Позиции Гомулки в партии пошатнулись. Используя югославский материал, его противники инкриминировали ему пособничество международному империализму и “банде Тито”, теоретическое разоружение партии, в частности, “соскальзывание с классовых позиций”, “правонационалистический уклон” и т.д.²⁰

Отстранение Гомулки от власти состоялось на пленуме ЦК ППР, заседавшем 31 августа – 3 сентября 1948 г. Когда после пленума Сталин пригласил Гомулку в Москву для беседы на Ближнюю дачу, он, по свидетельству последнего, избрал примирительный тон: “Пора кончать ваши глупые польские споры, вы должны войти в Политбюро Польской объединенной партии”. На отказ сотрудничать с Берутом, Минцем и Берманом присутствовавший на беседе Берия остро среагировал: “Как вы смеете отказываться, когда Сталин вам это предлагает”. Сталин его утихомирил: “Ты, прокурор, лучше бы молчал”. Когда Берия вмешался в беседу еще раз, Сталин выставил его за дверь. Итогом продолжительной беседы стало условное согласие Гомулки²¹.

Некоторое время, для страховки от возможных протестов против репрессий в отношении популярного в народе лидера, он считался членом Политбюро ЦК ППР, но в заседаниях больше не участвовал. Давление с требованием полного “разоружения перед партией” продолжалось до Объединительного съезда ППР и ППС в декабре 1948 г., в перерыве которого, получив приглашение от Берута на чашку кофе, Гомулка услышал, что руководство партии выдвигает его кандидатуру в ЦК. Он ответил резко: “Не тебе говорить об этом. Это Сталин распорядился выбрать меня в ЦК, а ты только выполняешь его поручение”²². Авторитет “Веслава” был еще велик: его выступление на съезде прерывалось аплодисментами.

¹⁷ См.: *Яжборовская И.* 1948 год: Москва. Варшава. Югославский вопрос. М., 1998.

¹⁸ См.: Советский фактор в Восточной Европе. 1944 – 1953. Документы, т. 2. М., 2002, с. 859, 869; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949 – 1953. Очерки истории, М., 2002.

¹⁹ ААН, 295/II – 12, к. 397, 398.

²⁰ *Яжборовская И.* 1948 год..., с. 45–49.

²¹ *Werblan A.* Notatka.

²² *Ibidem.*

В январе 1949 г. Гомулку лишили государственных постов. Было расформировано руководимое им министерство по делам возвращенных территорий. Созданная на съезде Польская объединенная рабочая партия избрала сектанско-догматический курс. Вскоре был задействован механизм репрессий. Опального лидера исключили из ЦК, партии и 2 августа 1951 г. вместе с женой арестовали (об исключении ему не сообщили, обвинение не предъявили, а из его близких сотрудников выбивали показания о его якобы “антигосударственном заговоре” и “тайном соглашении” с И. Броз Тито против СССР²³). В конце октября 1951 г. он был лишен депутатского иммунитета. Общественное мнение было проинформировано о его заключении в тюрьму. Одновременно была развернута широкая пропагандистская кампания, в ходе которой выдвигались обвинения в антимарксистской системе взглядов, в отказе от классовой борьбы, от гегемонии и власти пролетариата, в “протаскивании в партию преступной шайки провокаторов”. Состояние здоровья заключенного ухудшалось. Он был очень ослаблен, не мог ходить. Возникли проблемы с сердцем. Но следователи не смогли заставить его взять на себя такие обвинения. Он систематически направлял в партийные инстанции письма с требованием разобраться в ситуации, освободить его и наказать виновников в клевете в его адрес. Но эти письма оставались без ответа.

ГЛОТОК СВЕЖЕГО ВОЗДУХА “ОТТЕПЕЛИ”

В Москве в последний день работы XX съезда КПСС 25 февраля 1956 г. Н.С. Хрущев на закрытом заседании съезда выступил с докладом “О культе личности и его последствиях”, который был посвящен осуждению культа личности Сталина²⁴. В Польше доклад был немедленно распространен, будучи напечатан большим тиражом. Началась получившая название “оттепели” десталинизация. Был поставлен вопрос о реабилитации партийных, государственных и военных деятелей, граждан, репрессированных при Сталине. Смерть Сталина и XX съезд КПСС, события 1956 г. в Польше и Венгрии привели к пересмотру советской политики в отношении социалистических стран. В октябре 1956 г. Президиум ЦК КПСС четыре дня подряд обсуждал положение в европейских социалистических странах. Советские руководители пришли к выводу о необходимости установления равноправных отношений, о недопустимости вмешательства в их внутренние дела. Был подготовлен и утвержден документ о новых принципах отношений с социалистическими странами – Декларация правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствам²⁵.

Развенчание культа личности Сталина подтолкнуло процессы либерализации в Польше, породило надежды на демократическое обновление социализма. Информация о докладе Хрущева совпала с сообщением о болезни и смерти 12 марта 1956 г. в Москве Б. Берута. 20 марта собрался пленум ЦК ПОРП, чтобы избрать нового Первого секретаря ПОРП. Хрущев принимал участие в работе пленума, единогласно избранного новым руководителем партии Э. Охаба и поднял вопрос о Гомулке: “Я спросил всех членов руководства, как они относятся к нашему мнению, что следует Гомулку освободить... Все они в один голос мне доказывали, что делать этого нельзя”²⁶.

Между тем, в марте–апреле по всей Польше на тысячах партийных собраний, собраний творческой интеллигенции и трудовых коллективов, в СМИ развернулись дискуссии, сопровождавшиеся очищающей критикой. Руководство партии раскололось на две части – сторонников сохранения административно-командных методов управления и борцов за умеренную демократизацию партии и общества. Это резко подняло полити-

²³ Działność Władysława Gomułki. Fakty. Wspomnienia. Opinje. Wybór i opracowanie W. Namiotkiewicz. Warszawa, 1985, s. 512, 515.

²⁴ Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях. – Известия ЦК КПСС, 1989, № 3.

²⁵ Правда, 31.X.1956.

²⁶ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания, в 4-х т. М., 1999, т. 3, с. 517.

ческую температуру в стране. В центре общественной дискуссии оказалась и возможность возвращения к власти опального, но все еще весьма популярного В. Гомулки. В апреле 1956 г. на совещание варшавского актива ПОРП было вынесено его “дело”, но после жарких дискуссий в силе остались как обвинения против него в “правонационалистическом уклоне”, так и верность “политической критики гомулковщины”²⁷. Освобожденный из заключения, Гомулка оставался в стороне, не участвуя в политической жизни.

Массовые волнения в Познани в июне 1956 г. вызвали дальнейшее углубление политического кризиса. В их основе лежало недовольство рабочих самого крупного в городе предприятия, завода Цегельского, несправедливой системой оплаты труда, тяжелыми бытовыми условиями жизни и пренебрежительным отношением администрации к требованиям рабочих.

28 июня тысячи рабочих собрались на митинг. Вначале манифестация носила мирный характер. Затем несколько сотен радикальных молодых людей совершили нападение на городскую тюрьму, освободили заключенных и овладели огнестрельным оружием и боеприпасами. Они предприняли попытку овладеть зданием воеводского управления безопасности. Его служащие вопреки полученному приказу не применять оружия открыли огонь. В ходе столкновений 74 человека были убиты, 575 – ранены. Вначале считалось, что это была “провокация агентов империализма и реакционного подполья, враждебной агентуры”. Впоследствии в ПОРП от такой оценки отказались, считая, что в основе лежали экономические причины, события развивались спонтанно – это был стихийный бунт отчаявшихся, разгневанных людей²⁸.

Состоявшийся 18–28 июля 1956 г. VII пленум ЦК ПОРП усугубил размежевание внутри партийного руководства. Часть руководства считала, что только Гомулка является тем политиком, который сможет взять под контроль ситуацию в стране, поскольку в глазах населения он олицетворял стремление поляков к десталинизации и большей самостоятельности в отношениях с СССР. Было принято решение восстановить его в партии и начались переговоры об условиях его возвращения в партийное руководство. Он соглашался лишь на пост первого секретаря. 1 августа 1956 г. Гомулка был восстановлен в ПОРП, а с 12 октября стал участвовать в работе политбюро.

Сторонники Гомулки, готовя очередной, VIII пленум ЦК ПОРП, для оформления своего лидерства в партии, в нарушение устоявшегося с коминтерновских времен порядка, не стали согласовывать с советским руководством состав обновляемых руководящих органов партии. В Москве еще более вызывающим показался планируемый вывод из состава политбюро маршала К.К. Рокоссовского. Особенно беспокоили усилившиеся в Польше антисоветские настроения, поскольку в польском обществе советское присутствие в ряде важных областей жизни Польши воспринималось как существенное ограничение суверенитета страны. Прежде всего, это касалось систематического вмешательства в кадровые вопросы – состав Политбюро, секретариата ЦК ПОРП и правительства. Раздражение поляков вызывало занятие советскими офицерами польского происхождения многих руководящих постов в Войске Польском (в 1956 г. – 49 чел.), наличие советских советников в армии (в 1954 г. – около 150 чел.) и органах безопасности (в 1954 г. – 89 чел.). Кроме того, 700 офицеров – советских поляков приняли гражданство Польши²⁹. Правовая база пребывания советских войск – двух танковых и двух авиационных дивизий отсутствовала. Польское руководство об их численности даже не было проинформировано.

²⁷ Там же, с. 529.

²⁸ *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы “оттепели”: из истории советско-польских отношений. М., 2005, с. 119–129, 137.

²⁹ *Носкова А.Ф., Мурашко Г.П.* Институт советских советников в Восточной Европе в 40–50-е годы XX века. – Польша – СССР 1945 – 1989. Избранные политические проблемы, наследие прошлого, М., 2005, с. 125; Запись бесед делегации Президиума ЦК КПСС и членов Политбюро ЦК ПОРП в Варшаве, состоявшихся 19 октября 1956 г. – Славянский альманах 2007. М., 2008, с. 495.

ровано. В органах госбезопасности де-факто существовало двойное подчинение. Контроль над военной разведкой ПНР находился в руках офицеров особого отдела НКВД.

Советско-польский конфликт нарастал. Как вытекает из воспоминаний Хрущева и его сына Сергея, в октябре 1956 г. телеграммы советского посла в Варшаве П.К. Пономаренко носили все более тревожный характер. Вначале он сообщал об усилении антисоветских и ревизионистских настроений в польском обществе, затем об угрозе контрреволюционного государственного переворота, который готовили, по мнению посольства, силы, поставившие своей целью отстранение руководства, которое было избрано после смерти Берута, и возвращение к власти Гомулки. Последний характеризовался как правый ревизионист, националист и антисоветчик. Вмешательство советского руководства в польские события становилось неизбежным.

16 октября в Варшаве состоялось заседание Политбюро ЦК ПОРП, посвященное созову VIII пленума. В Москве вызвала острую реакцию необычная для официальных сообщений приписка: “В заседании Политбюро принял участие Владислав Гомулка”. Она могла означать только одно – власть переходит в другие руки. Хрущева крайне взволновало то, что важный кадровый вопрос не был согласован с Москвой. Масла в огонь добавила присланная посольством информация об опубликовании в еженедельнике “Новая культура” статьи, в которой высказывалось сомнение, не устарел ли в новых условиях лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”. Хрущева эта статья привела в ярость³⁰. Он пришел к выводу, что необходимо действовать немедленно, позвонил вечером 17 октября Э. Охабу и заявил, что хочет приехать в Варшаву для переговоров, так как Польша имеет для Советского Союза стратегическое значение³¹. Охаб, посоветовавшись, вскоре перезвонил: “Мы бы просили вас не приезжать, пока не закончится у нас заседание Центрального Комитета”³². “Мы этим были оскорблены, – вспоминал Хрущев. – Складывалось впечатление, что по печати и высказываниям на митингах, Польша рвет с нами”³³.

Утром 19 октября делегация Президиума ЦК КПСС, несмотря на возражение польской стороны, прибыла в Варшаву. Сойдя с трапа, наэлектризованный сообщениями советского посольства Хрущев сразу же стал грозить кулаком в сторону польских руководителей. Он сначала поздоровался с К.К. Рокоссовским и генералитетом, а затем, обращаясь к польским руководителям, сказал: “Предательская деятельность тов. Охаба обнаружилась, этот номер Вам не пройдет”. В ответ Гомулка предложил поехать в резиденцию председателя Государственного совета ПНР Бельведер и спокойно поговорить. Советские руководители потребовали отложить пленум ЦК ПОРП. Польские руководители отказались³⁴.

На открывшемся в назначенные сроки пленуме В. Гомулка и его сторонники были кооптированы в состав ЦК. Гомулка так охарактеризовал политические системы стран “реального социализма”: “Сущность этой системы заключалась в том, что была создана иерархическая лестница культов... И так в каждой стране сверху донизу действовала лестница культов, которая формировала способ мышления партийных деятелей и членов партии, уверовавших в то, что “единственным безошибочным интерпретатором марксистской науки и человеком, который правильно ее развивает и обогащает, указывает единственно правильный путь к социализму”, является Сталин. “Следовательно, все то, что не соответствует его мыслям и указаниям, является вредным, должно повлечь за собой отступление от марксизма-ленинизма, является ересью”³⁵.

³⁰ Хрущев С.Н. Рождение сверхдержавы. Книга об отце, М., 2003, с. 161.

³¹ Зенькович Н. Тайны ушедшего века. Лжесвидетельства. Фальсификации. Компромат, М., 2004, с. 394.

³² Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть, т. 3, с. 517.

³³ Там же, с. 579.

³⁴ Centrum władzy. Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949–1970. – Dokumenty do dziejów PRL. Zeszyt 13. Warszawa, 2000, s. 216.

³⁵ Гомулка В. Речь на VIII пленуме ЦК ПОРП 20 октября 1956 г. Варшава, 1956, с. 38–39, 40.

Параллельно с пленумом и в перерывах его работы, проходили советско-польские переговоры. Опубликованная А. Ореховым запись бесед руководителей КПСС и ПОРП (не стенографическая) свидетельствует, что переговоры были очень напряженными. В ответ на заверения Гомулки, что польское руководство не хочет разрывать дружбу с Советским Союзом, Хрущев заявил: “Этот номер вам не пройдет, мы готовы на активное вмешательство”³⁶. Польские руководители пытались объяснить советским представителям всю сложность ситуации в Польше, отстаивали свое право на самостоятельное проведение внутренней политики.

Тем временем и советские, и польские войска приближались к Варшаве. Рабочие автозавода в районе Жерань решили выйти на улицу, чтобы задержать войска. Около 16 час. Гомулка заявил, что получено сообщение о продвижении советских и польских танковых частей к Варшаве. “Мы просим советских товарищей дать указание т. Коневу приостановить продвижение войск”, – взволнованно говорил он³⁷. Как пишет в своих воспоминаниях Хрущев, Гомулка говорил горячо и произнес слова, которые подкупили советского лидера: “Вы думаете, что только вы нуждаетесь в дружбе с польским народом? Я как поляк и коммунист клянусь, что Польша больше нуждается в дружбе с русскими, чем русские в дружбе с поляками. Разве мы не понимаем, что без вас мы не сможем просуществовать как независимое государство? Все будет у нас в порядке, и вы не допустите, чтобы советские войска вошли в Варшаву, потому что тогда будет сверхтрудно контролировать события”³⁸. Хрущев и другие члены Президиума ЦК КПСС стали заверять поляков, что это обычные осенние учения и согласились дать нужные указания маршалу Коневу.

После 16.30 советская делегация ушла в посольство СССР на совещание. Поразмыслив, Хрущев предложил своим коллегам поддержать Гомулку: “Товарищи, я Гомулке верю, верю как коммунисту. Ему трудно. Сразу он этого не сделает. Но постепенно, если мы выразим ему свое доверие, отведем войска, дадим время, то Гомулка сможет справиться с теми силами, которые сейчас стоят на неправильных позициях... Я считаю, что надо поддержать Гомулку”³⁹.

При продолжении переговоров польский руководитель предложил подчеркнуть в совместном коммюнике, что “фундаментом дружбы Польши и Советского Союза является общая цель – социализм, которому служат обе партии”, а во второй части коммюнике указать: “обе партии подтверждают, что каждая из них должна решать самостоятельно вопросы, касающиеся ее страны, при учете общих интересов социализма”⁴⁰.

Беседы советских и польских руководителей завершились в 1 час ночи 20 октября. На рассвете делегация Президиума ЦК КПСС вылетела в Москву. По воспоминаниям сына А.И. Микояна Серго, Хрущев и Микоян летели в одном самолете и радовались, что конфликт разрешился успешно. Однако после прилета в Москву Хрущев передумал⁴¹. В черновых протокольных записях заседания Президиума ЦК КПСС 20 октября было записано: “Выход один – покончить с тем, что есть в Польше”⁴². 21 октября, на очередном заседании президиума, Хрущев, исходя из развития ситуации в Польше и Венгрии, опять поменял точку зрения: “Учитывая обстановку, следует отказаться от вооруженного вмешательства. Проявить терпимость”. С этим согласились все члены Президиума ЦК⁴³. 24 октября в 10 часов утра Хрущев проинформировал по телефону Гомулку о возвраще-

³⁶ Centrum władzy, s. 216.

³⁷ Запись бесед делегации Президиума ЦК КПСС и членов Политбюро ЦК ПОРП в Варшаве, состоявшихся 19 октября 1956 года. – Славянский альманах 2007, с. 475, 482.

³⁸ Хрущев Н.С. Время, Люди. Власть, т. 3, с. 239.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, с. 499.

⁴¹ Микоян Анастас Иванович – www.biograph-soldat.ru

⁴² Президиум ЦК КПСС 1954 – 1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003, с. 173.

⁴³ Там же, с. 175.

нии войск на базу постоянной дислокации, а тот в свою очередь сообщил об этом польскому населению на многотысячном митинге в Варшаве⁴⁴. Он был удовлетворен тем, что новое польское руководство в состоянии справиться с ситуацией в стране и решил для себя, что Гомулка будет Первым секретарем ЦК ПОРП. Поэтому он подчеркнул, что “не видит никаких препятствий к тому, чтобы партийные и государственные взаимоотношения между СССР и Польшей основывались на принципах, изложенных VIII пленумом ЦК ПОРП”⁴⁵. Таким образом, Москва отказалась от прямого вмешательства в дела Польши.

Во время переговоров партийно-правительственных делегаций СССР и ПНР в Москве 15–18 ноября 1956 г. была принята Совместная декларация по вопросу советско-польских отношений. В ней говорилось, что межгосударственные отношения СССР и ПНР будут строиться на принципах полного равноправия, неизбежности территориальных границ, независимости и суверенности субъектов договора, невмешательства в дела друг друга⁴⁶. Польский лидер назвал Декларацию “выражением коренного перелома в практике отношений между Польшей и Советским Союзом”, а также между ПОРП и КПСС⁴⁷. “Мы сняли все, – вспоминал Хрущев, – что могло вызвать мысль о неравноправных отношениях, что давало хоть малейший повод думать, что мы относимся к Польше, как к зависимому государству, пользуемся своей силой и навязываем свои условия”⁴⁸.

Руководство КПСС смирилось с тем, что Гомулка стал Первым секретарем ЦК ПОРП без предварительного обсуждения с Москвой и со “своим” путем к социализму, который предполагал отказ от масштабной коллективизации, сохранение мелкой частной собственности в городе, установление своеобразной многопартийной системы во главе с ПОРП, бóльшей свободы культурного и научного творчества. Компромисс с реформаторским крылом ПОРП позволил сохранить мир и стабильность в Польше. В письме от 22 октября 1956 г., направленном в ЦК ПОРП и подписанном Хрущевым, советская сторона выразила согласие на упразднение института советских советников при Комитете общественной безопасности ПНР и отзыв из Войска Польского советских офицеров и генералов⁴⁹. В декабре 1956 г. в Варшаве произошло подписание “Договора между Правительством СССР и Правительством ПНР о правовом статусе советских войск, временно находящихся в Польше”⁵⁰. Он определял общую численность советских войск в Польше в 62–66 тыс. солдат и 39 мест их расквартирования. Советские войска, пребывавшие на польской территории, лица, входившие в состав воинских подразделений, а также члены семей советских военнослужащих были обязаны уважать и выполнять все предписания польского права. Советские войска пользовались теми же привилегиями и льготами, что и Войско Польское.

В 1957 г. Хрущев предложил вывести советские войска из Польши. Однако на этот раз резко возразил Гомулка. ПНР было экономически выгодно получать от СССР валюту за их пребывание. Находившийся на территории Польши советский контингент был сокращен наполовину в конце 1950-х годов.

В середине 1957 г. произошло окончательное урегулирование советско-польских экономических отношений⁵¹. Был подписан ряд государственных документов, регламентирующих экономические взаимоотношения двух стран⁵².

⁴⁴ *Werblan A.* Październik 1956 roku – legendy i rzeczywistość. – Polski Październik 1956 w polityce światowej. Warszawa, 2006, s. 29.

⁴⁵ Цит. по: *Орехов А.М.* Указ. соч., с. 199.

⁴⁶ Правда, 19.XI.1956.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть, т. 3, с. 523.

⁴⁹ СССР и Польша: октябрь 1956-го. Постановления и записи заседаний Президиума ЦК КПСС. – Исторический архив, 1996, № 5–6, с. 185–186.

⁵⁰ *Орехов А.М.* Указ. соч., с. 238–239.

⁵¹ Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 2. Постановления 1954 – 1958, М., 2006, с. 993.

⁵² *Орехов А.М.* Из истории экономических отношений СССР и ПНР (“угольная проблема” 1946–1957 гг.). – Россия. Польша. Германия. История и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М., 2009, с. 345–346.

Как бы ни оценивать политическую деятельность В. Гомулки в 1960-е годы он очень много сделал для быстрого восстановления разрушенной войной экономики, развития ее традиционных отраслей. Считая важнейшей задачей преодоление хозяйственной отсталости и рост экономической эффективности как основы дальнейшего развития страны, он успешно находил оптимальные решения, шла ли речь о модернизации промышленности, производстве электроэнергии на основе разработки бурого угля и внедрения мощных турбин, или о добыче медной руды, создании фабрик азотных удобрений и сельскохозяйственных машин. Он старался способствовать внедрению оптимальных экономических механизмов и в деятельность Совета экономической взаимопомощи.

Гомулка хорошо понимал ценность человеческого капитала и поднял население страны на строительство школ к 1000-летию юбилею польского государства, неоднократно подчеркивая, что государство обязано всесторонне помогать развитию способностей человека. Особым предметом его забот была социальная политика, обеспечение расширения рынка труда, строительство жилья, наполнение продовольственного рынка.

Особенно настоятельно Гомулка искал пути повышения эффективности сельского хозяйства. Семь лет работавший в ЦК рядом с первым секретарем Ю. Тейхма написал в воспоминаниях: его поразил факт, что в политическом руководстве страны “занятие аграрной политикой почти граничило с агротехникой и зоотехникой. Сам Гомулка со своей просто невообразимой конкретностью и практичностью вынуждал разбираться в чисто профессиональных аспектах”⁵³. Сделав из повседневной практики вывод о неприменимости в Польше коллективизации, он вместе с председателем Объединенной крестьянской партии С. Игнаром нащупывал возможность использовать более приемлемую форму возрождавшихся сельскохозяйственных кружков и старался опереться в этом даже на церковь, о чем свидетельствует его обстоятельная беседа 11 января 1960 г. с примасом Польши кардиналом С. Вышинским⁵⁴.

Хотя некоторые молодые, амбициозные политики упрекали руководителя в консерватизме, в строительстве “сермяжного социализма”, хозяйственные успехи страны были более чем реальными и вполне отвечали потребностям людей труда. За десятилетие внутренний национальный продукт вырос на 44%, занятость увеличилась на 2,7 млн. человек, а сельскохозяйственное производство – на 25%. Ежегодное потребление мяса на душу населения возросло с 33,8 кг до 42,3 кг, что в два раза превышало довоенный уровень.

Модель польского социализма весьма отличалась от модели СССР и других социалистических стран ввиду преобладания частного сектора в сельском хозяйстве и мелкого частного сектора в городе, большого влияния католической церкви на общественную жизнь, больших интеллектуальных свобод, культурного плюрализма, постоянного расширения контактов с Западом, в том числе возможностей выезда и т.д. Своеобразие пути развития Польши вызывало недовольство у руководителей не только Советского Союза, но и большинства социалистических стран, выливалось в критику во время их встреч с польскими лидерами.

НА ПЕРЕПУТЬЕ “РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА”

В экономической политике 1960-х годов упор был сделан на ускорение модернизации страны. Рост производства предполагалось достичь в основном интенсивными, а не экстенсивными методами, что отличало этот период индустриализации от предыдущего. Прирост национального дохода составил 80% и был одним из наиболее высоких в мире. Однако в политике капиталовложений по-прежнему не учитывались в достаточной степени потребности отраслей, производящих товары народного потребления,

⁵³ *Tejchma J.* Miedzy pierwszym i ostatnim spotkaniem z Wladyslawem Gomulka. – Władysław Gomułka i jego epoka, s. 114.

⁵⁴ Władisław Gomułka..., s. 304–308.

а также сельского хозяйства и пищевой промышленности. Увеличивался дисбаланс в экономике: если в 1961–1965 гг. национальный доход вырос на 35,2%, а валовая промышленная продукция – на 50,9, то потребление – всего на 28%, реальная заработная плата – на 8%, валовая продукция сельского хозяйства – на 14,5%. Проявилась тенденция стагнации жизненного уровня населения. Слишком высокая доля накопления на протяжении многих лет его неизбежно снижала. В 1961–1970 гг. номинальная заработная плата в обобществленном секторе экономики выросла на 69%, реальная, же – только на 19%, т.е. в среднем менее чем на 2% в год, а в 1966–1970 гг. всего лишь на 1,5%. Большинство населения жило весьма скромно, если не сказать бедно. Зарплаты едва хватало на удовлетворение основных потребностей. Предложение на потребительском рынке было весьма убогим. Надвигался новый экономический и политический кризис.

Между тем, централизация управления экономикой и государством все увеличивалась. Предложенная созданным в 1956 г. под руководством известного польского экономиста О. Ланге Экономическим советом концепция экономической реформы, предусматривавшая увеличение самостоятельности предприятий при сохранении центрального планирования, была отвергнута руководством партии. В этом проявились и отсутствие широты знаний, и усиленные авторитарным режимом категоричность и нетерпимость Гомулки.

Вскоре четко обнаружился отход от линии октября 1956 г. ПОРП превращалась в массовую партию, но отсутствие демократических механизмов выборов и контроля за руководящими органами партии вело к концентрации власти в узких, иерархических структурах аппарата, наверху которых находилась небольшая руководящая группа.

Гомулка обладал огромной трудоспособностью, мог читать тысячи страниц текста, работая в своем кабинете целыми сутками. А вот заседания Политбюро ЦК ПОРП проходили редко (в 1961–1970 гг. в среднем 14 раз в год) и нерегулярно. Сам он к этим заседаниям готовился основательно, знал обсуждаемые материалы насквозь, задавал много уточняющих, детальных вопросов и весьма раздражался, если автор не был в состоянии дать исчерпывающий ответ. В 1969–1970 гг. заседания политбюро проводились еще реже. Гомулка их заменил узкими рабочими совещаниями. Решения политбюро механически доводились до остальных органов власти. Секретариат ЦК практически не собирался.

Первый секретарь фактически экономикой руководил сам. Премьер Ю. Циранкевич делал все, чтобы ею не заниматься. Проекты планов развития народного хозяйства разрабатывала Комиссия планирования. Перед вынесением на политбюро, они многократно проходили через руки Гомулки, обсуждались на узких совещаниях с его участием.

Но обратная связь при решении основных общественных проблем практически налажена не была. Со второй половины 1960-х годов страна управлялась все хуже. По поручению Гомулки Бюро кадров ЦК провело анализ штатов в нескольких министерствах и ведомствах. Оказалось, что в центральной государственной администрации почти исчезли должности специалистов. Их место заняли начальники, заместители начальников, которые в свою очередь имели своих заместителей. На одного начальника в среднем приходилось 1–3 обычных работника, включая курьеров и уборщиц. Гомулка предложил уменьшить эту бюрократическую машину. Но из этого ничего не вышло. Политическая жизнь страны тоже становилась все более формализованной. В руководстве сформировались три группы. Первую составляли бывшие члены КПП, которые в годы войны находились на территории СССР, а, вернувшись в страну, заняли многие, в том числе высокие, партийные и государственные посты. После октября 1956 г. часть из них была вынуждена эти посты покинуть и объективно стала сторонниками либерализации политической жизни.

Вторая группа – это так называемые “партизаны”, которые в годы войны боролись против оккупантов, а затем и с правым подпольем. Их лидером был министр внутренних дел М. Мочар. Однако власть оказалась в руках тех, кто приехал из Советского Союза. В конце 1960-х годов “партизаны” рвались к власти, официально поддерживая Гомулку, но полагая, что его политическое время заканчивается.

Третья, катовицкая группа (она была названа по столице Силезского воеводства – городу Катовице), возглавлялась первым секретарем воеводского комитета ПОРП Э. Герекком. Это воеводство выделялось высоким уровнем промышленного развития, большей эффективностью хозяйствования, более гибким управлением, заботой о росте потребления, жилищном строительстве. Стиль работы Герека отличался открытостью, а организация ПОРП была самой многочисленной и активной. Имидж хорошего хозяйственника способствовал росту его авторитета в Москве.

Однако ни одна из трех групп не имела целостной программы выхода из нараставшего кризиса. Ситуация осложнялась серьезным обострением отношений между властью и католической церковью в связи с празднованием церковью тысячелетия крещения Польши и обращением польских епископов к немецким епископам о примирении. Власть в борьбе за души поляков сразу же противопоставила церковному празднику празднование государством тысячелетия польского государства, главной среди многочисленных культурно-образовательных и научных мероприятий которого стала кампания строительства “тысячи школ на тысячелетие”.

Гомулка заявил, что “нормальные отношения между католической церковью и государством могут быть восстановлены, когда руководство церкви будет уважать Конституцию ПНР, соблюдать государственные законы и акты, откажется от злоупотребления религиозными чувствами в своих политических целях, займет лояльную позицию в отношении Народной Польши и будет уважать ее национально-государственные интересы”⁵⁵. После этого противостояния, во время кризисных событий марта 1968 г. и декабря 1970 г., католическая церковь вела себя более осторожно и примирительно в отношении власти.

В Польше по сравнению с другими социалистическими странами уровень творческих и университетских свобод был выше. Ректоры и деканы факультетов избирались, советы факультетов оказывали влияние на принятие кадровых решений и содержание обучения. Министерство образования не могло без их согласия уволить по политическим причинам студентов и преподавателей. Между тем, свободы из вентилей безопасности постепенно превращались в щель, через которую стало распространяться недовольство властью. Политика Гомулки была направлена на усиление контроля партии и государства над основными сферами общественной жизни. Он полагал, что всякого рода демократические требования и дискуссии ведут к нарушению руководящей роли партии в обществе и государстве, к установлению в стране буржуазно-демократических порядков⁵⁶. Такая ситуация неизбежно вела к конфликту режима как с “либерально-ревизионистской” частью партийной среды, так и с демократически настроенной частью творческой и научной интеллигенции.

Идейное течение, пытавшееся соединить реальный социализм с демократией, казалось неприемлемым для руководства ПОРП. Гомулка стал избавляться от “либералов” в руководстве партии и государства. В декабре 1961 г. секретариат ЦК ПОРП принял решение об усилении надзора за творческими объединениями. Был закрыт “Клуб кривого колеса”, в котором собиралась культурная и научная элита страны. Весной 1963 г. были запрещены популярные еженедельники “Новая культура” и “Культурное обозрение”, что стало еще одним ударом по свободомыслию, в том числе и в партийных рядах. Наведению “порядка” на идеологическом фронте, а на деле сворачиванию “оттепели” был посвящен XIII (июль 1963 г.) пленум ЦК ПОРП, на котором было принято решение создать идеологическую комиссию секретариата ЦК.

Гомулка не сумел установить широкие контакты с различными группами интеллигенции, наладить с ними диалог. Когда ученые критиковали курс экстенсивного экономического развития и административные методы управления народным хозяйством, выступая с предложениями проведения реформ, руководство ПОРП отвергало эти

⁵⁵ *Gomułka W.* 1000 lat Polski. Warszawa, 1966, s. 75.

⁵⁶ Byłem sekretarzem Gomułki. Z Walerym Namiotkiewiczem rozmawia Grzegorz Sołtysiak. Warszawa, 2002, s. 57.

предложения, так как считало, что они подрывают социалистическую систему хозяйствования.

Нарастающее недовольство сильнее всего проявлялось среди творческой интеллигенции. 14 марта 1964 г. группа известных писателей и научных работников направила премьер-министру Ю. Циранкевичу письмо с осуждением политики, угрожающей развитию национальной культуры, которое подготовил поэт и писатель А. Слонимский. Гомулку возмутил тот факт, что это письмо сразу же попало на Запад, на радио “Свободная Европа”, было опубликовано на Западе и стало широко известно активной части интеллигенции. 15 апреля 1964 г. в поддержку “Письма 34-х” высказался митинг студентов Варшавского университета, в котором приняли участие около 1000 человек. Варшавский университет стал центром оппозиционных настроений. Возник дискуссионный клуб, где выступали с критикой политического режима известные ученые и журналисты – В. Брус, М. Раковский, З. Бауман и др. Клуб был закрыт. Под руководством преподавателей Я. Куроня и К. Модзелевского создавались кружки самообразования. Молодежь продолжала собираться на частных квартирах, обсуждая проблемы марксизма. Был подготовлен обширный, насчитывавший 128 страниц “Программный манифест” с изложением оценки политической и экономической ситуации в стране. Был запрещен и дискуссионный “Клуб искателей противоречий” для школьной молодежи. Как вспоминает видный публицист А. Михник, “мы искали истинный социализм, изучали Маркса, не любили консерваторов и церковь. На студенческих митингах пели Интернационал”⁵⁷. В ноябре 1964 г. Куронь и Модзелевский были исключены из ПОРП за публикацию и распространение своего манифеста. 19 марта 1965 г. их арестовали, поскольку они выступили с “Открытым письмом к первичной парторганизации вузовской организации Союза социалистической молодежи”, в котором повторили основные положения манифеста⁵⁸: критиковали бюрократизацию ПОРП и выступали за демократизацию строя и власть рабочих советов⁵⁹.

В июне 1967 г. непосредственное влияние на развитие политических событий в Польше оказала победоносная для Израиля шестидневная война с арабами. 9 июня 1967 г. во время встречи руководителей коммунистических и рабочих партий и правительств социалистических стран в Москве было принято решение разорвать дипломатические отношения с Израилем. По утверждению сотрудника Отдела ЦК КПСС П. Костикова, в ходе беседы Л.И. Брежнева с В. Гомулкой Генеральный секретарь ЦК КПСС выразил недовольство тем, что в Польше некоторые коммунисты-евреи открыто выступают против поддержки Советским Союзом арабских стран. Выступая 19 июня на VI конгрессе профсоюзов, Гомулка вслед за лидерами других соцстран осудил агрессию Израиля и поляков еврейского происхождения за их поддержку этой страны. В устном выступлении он даже упомянул о польских евреях как о “пятой колонне”. Хотя в опубликованном тексте этот фрагмент речи отсутствовал, выступление Гомулки стало спусковым механизмом для развертывания органами госбезопасности антисемитской кампании, которая вскоре переросла в антиинтеллигентскую. Используя возникшую ситуацию, “партизаны” во главе с Мочаром перешли в наступление. В партийно-государственных структурах началась чистка.

16 января 1968 г. министерство культуры и искусства запретило в варшавском Национальном театре спектакль Адама Мицкевича “Дядя” в постановке режиссера К. Деймека. По мнению властей, он содержал антирусские акценты. 8 марта во дворе университета состоялся митинг, в котором приняли участие несколько сот студентов, которые протестовали против снятия со сцены “Дядюв” и поддержали резолюцию

⁵⁷ Цит по: *Gawin D. Potęga mitu. O stylu politycznego myślenia pokolenia Marca 68.* – Marzec 1968. *Trzydzieści lat później*, t. 1. Warszawa, 1998, s. 28.

⁵⁸ Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006, с. 209–210.

⁵⁹ Подробно см.: *Волобуев В.В.* Политическая оппозиция в Польше. 1956–1976. М., 2009, с. 92–93.

чрезвычайного общего собрания варшавского отделения Союза польских писателей, которая осуждала культурную политику властей. Милиция и группы рабочих жестко разогнали мирный митинг. Эти события вызвали трехнедельную волну студенческих протестов почти по всей Польше. Уже 9 марта состоялся митинг солидарности Варшавского политехнического института, который был разогнан теми же методами. 13 марта в Варшаве большая группа демонстрантов прошла к зданию ЦК ПОРП, где поздно вечером произошли основные столкновения. Однако эти события не носили антисоциалистического характера, на что епископат Польши обратил внимание в письме премьер-министру Циранкевичу от 21 марта 1968 г.⁶⁰: студенты во время протестов пели “Интернационал”, говорили о верности социалистическим идеалам, не выступали против партии, но выражали надежду на позитивное развитие происходивших в руководстве ПОРП процессов.

События марта 1968 г. были весьма неоднозначным явлением. Это был молодежный, не только студенческий протест против методов осуществления власти. В нем принимали участие и молодые рабочие (среди задержанных за участие в демонстрациях преобладали именно они), и учащиеся средних школ. Одновременно эти события были фоном острой борьбы за власть в рамках партийно-государственного аппарата. В-третьих, в стране под антисоциалистическими лозунгами проходила беспрецедентная “кадровая революция” на всех уровнях.

Массовый характер и острота конфликта привели к тому, что вчерашний харизматический лидер нации стал быстро терять популярность. Значительная часть общества посчитала, что его время прошло, поскольку он и его окружение на какое-то время утратили контроль над ситуацией. Руководитель бюро печати ЦК ПОРП С. Ольшовский позже вспоминал: “Через какое-то время Гомулка сорентировался, что происходит. Пригласил меня и спросил, почему в печати появляются такого рода антисемитские статьи? В конце концов, ты контролируешь прессу или нет? – спросил он. Я ответил, что хотел бы эту компанию остановить, но ее поддерживает Мечислав Мочар и сотрудники аппарата безопасности, поэтому эта задача невыполнима”⁶¹.

Польский социолог Е. Вятр считает, что мартовские события положили конец демократизации периода польского Октября⁶². В высших эшелонах власти развернулась массовая ротация кадров. На V съезде ПОРП в руководящие органы ПОРП не были переизбраны 82 чел. Партийная верхушка довольно быстро сама испугалась того демона, которого вызвала к жизни. Гомулке с большим трудом удалось установить контроль над аппаратом власти. Кадровая чистка в партии и государстве ослабила его политические позиции, хотя он сумел добиться временного равновесия в руководстве партии, где ни одна из группировок не получила перевеса. Но остановить падение доверия к себе в обществе ему не удавалось. Применение насилия углубило неприязнь интеллигенции к власти и провозглашаемой ею, но расходящейся с ее же политикой идеологии. Впоследствии это привело к возникновению в ПНР антисистемной, антисоциалистической оппозиции.

Время, отведенное историей Гомулке, подходило к концу. После мартовских событий его политическое одиночество только росло. В июле 1968 г. в беседе с Брежневым он признался, что его атакуют с разных сторон⁶³. Он стал все больше задумываться о необходимости омоложения высшего руководства страны, о поиске преемника. У него вызревал целостный план коренных кадровых перемен. Однако ход событий неожиданно стал складываться независимо от него. Прежде всего, стали все очевиднее про-

⁶⁰ *Żaryń J.* Biskupi wobec “marcowej” młodzieży. – *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*, 2008, № 3, s. 19.

⁶¹ How are you doing Mr. Olszowski? Warszawa, 2008, s. 34–35.

⁶² *Wiatr J.J.* PZPR w pojałtańskiej rzeczywistości. – *Polska pod rządami PZPR*. Warszawa, s. 305–306.

⁶³ *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. Moskwa – Warszawa. Gra o Polskę. Warszawa, 1992, s. 72.

являться неблагоприятные тенденции в народном хозяйстве. В разговоре с А.Н. Косыгиным Гомулка как-то пожаловался, что в польском руководстве отсутствуют хорошие экономисты. “Мне иметь хотя бы половину Косыгина”⁶⁴, – сокрушался он. Отражением нарастающих экономических трудностей стало заявление члена Политбюро ЦК ПОРП С. Ендрыховского на пленуме ЦК ПОРП в ноябре 1967 г. о необходимости повышения цен на мясо, так как они не менялись уже восемь лет. Это было чревато социальными потрясениями.

Но Гомулка уже терял контроль и над экономикой, и над политикой. Состояние его здоровья явно ухудшалось. Он неоднократно слышал от врачей пожелание ограничить свою работу до нескольких часов в день. Однако это не соответствовало его характеру – он был типичным трудоголиком. В 1969 г. во время разговора с Костиковым он, уже пасуя перед трудностями, как-то сказал: “Поляки всегда жалуются на жизнь... У нас сегодня можно немного затянуть пояса. Поляки это выдержат”⁶⁵. Но это оказалось невозможно.

В СИСТЕМЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В Москве отнеслись к мартовским событиям 1968 г. спокойно. Подход к ПНР как к сателлиту, навязывание ей мнения по тем или иным вопросам во времена Гомулки отошли в прошлое. Гомулка последовательно строил отношения с Советским Союзом так, как это было определено в 1956–1957 гг. В глазах аппарата ЦК КПСС он символизировал Польшу, которую необходимо уважать, подходить к ней как к союзнику и партнеру. С Польшей проводились консультации и переговоры, согласование шагов во внешней политике. Интересы соседа учитывались. Если во времена Хрущева некоторые характеризовали польского лидера как “просоветского националиста”, то во времена Брежнева он уже воспринимался как “польский патриот и лояльный интернационалист”⁶⁶. Сам он неоднократно подчеркивал, что ориентация на СССР как на союзника и освободителя Польши от немецкой оккупации была как нельзя более правильной. Она была фундаментальным принципом руководства страны – интересы двух стран переплетались.

С конца 1950-х годов до октября 1964 г. Хрущев и Гомулка обменялись официальными визитами. Кроме официальных переговоров, советский руководитель, чтобы отвлечься от повседневных дел, любил поохотиться в польском правительственном центре отдыха в Ланьске. Свой последний краткий визит в Польшу Хрущев совершил 21–23 июля 1964 г. – для участия в праздновании 20-летия ПНР. С. Хрущев вспоминал об этом так: “Несколько раз звонил Гомулка, просил приехать, поскольку визиту Хрущева он придавал особое значение. Отец, конечно же, не мог отказать своему старому другу”⁶⁷. Между ними установился хороший контакт. Советский лидер относился к Первому секретарю ЦК ПОРП с уважением и воспринимал его как своего партнера. Любил поспорить с ним. Диалог носил открытый, откровенный характер, выявлял наличие расхождений во взглядах и противоречия текущих интересов. Хрущев вспоминал: “У меня лично отношения с ним сложились самые теплые. Хотя другой раз по некоторым вопросам возникали разногласия. Это естественно, что в руководстве разных стран бывают разные подходы при решении того или иного вопроса. Если этого не будет, то не будет никакой демократии и проявления личностных особенностей. Это нормально”⁶⁸. Однако они никогда не были слишком близкими людьми, обращались друг к другу не на “ты”, а на “вы”⁶⁹. Гомулку в Хрущеве раздражала его бесцеремонность, поведение хитрого мужичка, его примитивные анекдоты во время застолий, которые он терпеть не мог.

⁶⁴ Ibid., s. 75.

⁶⁵ Ibid., s. 121.

⁶⁶ Ibid. s. 55.

⁶⁷ Хрущев С. Никита Сергеевич Хрущев. М., 1994.

⁶⁸ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть, т. 3, с.587.

⁶⁹ *Szlachcic F. Gorzki smak władzy*. Warszawa, 1990, s. 54.

Польское руководство считало, что надо укреплять отношения с Советским Союзом в сфере экономики, сохраняя при этом во внутренней и внешней политике, насколько это возможно, максимальную самостоятельность. Хрущев пропагандировал свои идеи о кукурузе, дешевом жилищном строительстве и “агрогородах”. Хотя Гомулка и проявил интерес к такому жилищному строительству, эту идею попытались на практике реализовать лишь в Гданьске, и к тому же неудачно. Он критически оценивал и некоторые другие меры в сфере хозяйственной политики СССР. В первой половине 1960-х годов он выступил с предложением введения конвертируемости рубля. Однако это предложение не нашло поддержки у советского руководства⁷⁰.

Кроме советско-польских отношений, в двусторонних переговорах важное место занимали международные отношения, в основном германский вопрос и отношения с Китаем и Албанией. Польское руководство было особенно чувствительно на подвижки в отношениях СССР с ФРГ и настаивало, чтобы советская сторона согласовывала свою политику в отношении Западной Германии с польской. Поговаривали даже о “доктрине Гомулки”, в соответствии с которой Варшава имела право влиять на политику Варшавского договора в отношении ФРГ. Официально Советский Союз считался главным гарантом западной границы Польши и существования ГДР. Но польский лидер побаивался, что СССР стремится к соглашению с ФРГ ценой польских границ и существования ГДР. Не раз он выражал недовольство по поводу того, что Хрущев не информировал его по этому вопросу, например о намерении строительства в 1961 г. берлинской стены.

Особенно раздражали польских руководителей заявления о возможности объединения Германии главного редактора “Известий”, зятя Хрущева А. Аджубея во время его поездки с группой журналистов в ФРГ в июле 1964 г. Польская сторона с большим вниманием следила за этим визитом. Главный редактор еженедельника “Политика” М. Раковский в своих “Дневниках” написал, что Аджубей вел себя “очень свободно и заигрывал с немцами”, выражал надежду на улучшение отношений между СССР и Западной Германией: “Позднее мы могли бы в спокойной обстановке решить также другие проблемы”. Этими проблемами, по мнению Раковского, были бы польские западные земли⁷¹. Магнитофонные записи свидетельствовали о том, что Аджубей склонен был предложить немцам значительные территориальные уступки за выход Западной Германии из НАТО за счет Польши, не говоря уже о ГДР. Польские товарищи дали прослушать запись с высказываниями Аджубея присутствовавшему на встрече секретарей ЦК социалистических стран в Варшаве тогдашнему заведующему отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими связями социалистических стран Ю.В. Андропову. Андропов убедил Гомулку, чтобы он позвонил Хрущеву и высказал ему возмущение миссией Аджубея⁷². Как утверждал П. Костиков, Гомулка действительно послал Хрущеву “резкое письмо”, в котором говорилось, что Польша никогда не согласится, чтобы за ее счет были осуществлены территориальные коррективы в пользу ФРГ⁷³.

Вскоре в Варшаву пришло сообщение, что Хрущев собирается с визитом в Бонн без какого-либо согласования позиций с польским партнером. Эта информация вызвала крайнее неудовольствие Гомулки: “Двести лет нами торговали. А что, теперь нет желающих?”⁷⁴. В сентябре 1964 г. на съезде писателей в Люблине он выступил с резкой критикой германской политики Хрущева. Он обвинил советского лидера в попытках договориться об объединении с Германией за счет Польши. “Я со всей силой хочу подчеркнуть, что какие-либо изменения нынешних польских границ могут произойти только через труп Польши”, – заявил Гомулка⁷⁵. В феврале 1967 г. на совещании министров

⁷⁰ *Rolicki J.* Edward Gierek. Życie i narodziny legendy. Warszawa, 2002, s. 144.

⁷¹ *Rakowski M.F.* Dzienniki polityczne. 1963 – 1966. Warszawa, 1999.

⁷² *Siemiętkowski Z.* Polska, ZSSR, Niemcy i tajne służby. – *Gazeta Wyborcza*, 1.XI.2009.

⁷³ *Kostikow P., Roliński B.* Op. cit., s. 68.

⁷⁴ *Васильков Ю.* Польский взгляд: Россия и Европа после коммунизма. М., 2004, с. 80.

⁷⁵ *Gomułka o niebezpieczeństwie polityki nowego Rapallo. Fragment wspomnień Stanisława Łukasiewicza.* – *Racja stanu. Studia i materiały. Półocznik № 1(1), 2007. Wrocław, 2007, s. 330.*

иностранных дел социалистических стран в Варшаве польской стороне удалось добиться принятия принципа вступительных условий установления отношений с ФРГ: в новых договорах содержалось положение об общей политике в отношении этой страны⁷⁶.

Гомулка играл важную роль в сглаживании отношений в советском блоке, нередко обострявшихся из-за неуравновешенности Хрущева, что было весьма важно. И если в экономических отношениях нередко проявлялось несовпадение интересов, то, как правило, Советский Союз шел на уступки польской стороне, что касалось поставок зерна, высококачественной железной руды и нефти. Хрущев не отказывал: «Мы от дружбы с Польшей материальных благ не имели, однако ничего не делали, что нарушило бы гармонию ее хозяйственной деятельности»⁷⁷.

На следующий день после смещения Хрущева польскому лидеру позвонил член Политбюро, секретарь ЦК КПСС М.А. Сулов, который от имени нового руководства КПСС заверил его, что внешняя политика СССР, в том числе в отношении Польши, не изменится. Через несколько дней с ним связался и новый Первый секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев. Придавая большое значение отношениям с Польшей, перед встречей с польским руководством 22 октября 1964 г. ЦК КПСС принял специальное постановление. Встреча и четырехчасовая беседа состоялись 24 октября в районе Беловежской пуши⁷⁸.

В 1965 г., во время второй встречи Брежнева с Гомулкой, советский лидер неожиданно попросил своего собеседника о помощи в решении проблем международного коммунистического и рабочего движения, а также отношений с социалистическими странами⁷⁹. Гомулка не забывал просьбу советского лидера и постоянно стремился поддерживать Брежнева при решении проблем внешней политики. Для этой цели в аппарате ЦК ПОРП был создан международный отдел, в котором работали молодые и хорошо образованные сотрудники. Польские делегации стали играть важную роль в подготовке и проведении международных совещаний и рабочих встреч. Встречи руководителей двух стран были частыми, что облегчало Гомулке решение экономических проблем в отношениях с Советским Союзом. Они проходили многократно – во время визитов в Москве и Варшаве, в ходе совещаний коммунистических и рабочих партий, встреч лидеров социалистических стран. И на каждой встрече Гомулка добивался дополнительных поставок сырья и товаров, новых кредитов или ускорения получения обещанных ранее.

Гомулка боялся негативных последствий расширения экономических связей с Западом, опасался западных банков и инвестиционных кредитов. Он прямо говорил Брежневу об угрозе зависимости социалистических государств от западного капитала. Когда тот попытался объяснить ему, что стоило бы использовать эти средства для своих целей, то услышал в ответ: «Вы можете себе это позволить, вы являетесь страной с неограниченными ресурсами, Польша же – нет, это приведет лишь к долгам. Пусть сильный Советский Союз сотрудничает с сильным капиталом, а мы получим капитал в процессе сотрудничества с вашей экономикой»⁸⁰. Однако Польше все же приходилось брать кредиты на Западе. В разработанном при Гомулке плане на 1971–1975 гг. предусматривалось увеличение задолженности в развитых странах на 1 млрд. долл. Но эти средства шли исключительно на покупку современных промышленных предприятий. Гомулка был категорически против потребительских кредитов.

Политические он последовательно поддерживал КПСС и Советский Союз. На Старой площади говорили, что Польша является самым надежным звеном социалистического содружества. Брежнев высоко ценил Гомулку: лучшего союзника для СССР нельзя было сыскать. А с тем, что он – «пропольский» политик, советские руководители

⁷⁶ Jarzabek W. Wpływ wydarzeń 1968 r. na politykę zagraniczną PRL. – Dzieje Najnowsze, 2008, № 1, s. 75.

⁷⁷ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть, т.3, с. 244.

⁷⁸ Президиум ЦК КПСС 1954 – 1964, т. 1, с. 1184–1185.

⁷⁹ Kostikow P., Roliński B. Op. cit., s. 53–54.

⁸⁰ Ibid., s. 67.

согласились еще в 1956 г. Главное – Гомулку беспокоила судьба содружества. Кремль уже привык к поддержке своей политики со стороны Польши и лично Гомулки на международной арене. При “усмирении” Пражской весны 1968 г. Гомулка, отнюдь не считавший это лучшим выходом и настаивавший на соблюдении правовых принципов, вместе с Кадаром выступили с умеренных позиций, призвав к более углубленному анализу событий и отказу от принятия поспешных силовых решений.

Узнав о советско-германских переговорах относительно двустороннего договора, Гомулка также взял курс на заключение договора с Западной Германией. Почти два года велись переговоры с ФРГ, которая вначале заключила договор с СССР, признав границу по Одере и Нейссе, а затем был подписан (при поддержке Брежнева) договор о нормализации польско-германских отношений с одновременным признанием польской западной границы. Польша перестала быть государством с неурегулированными границами. Это был самый большой международный успех Гомулки – венец его многолетних усилий, направленных на обеспечение Польше выгодных стратегических условий в послевоенной Европе⁸¹. Он вместе с польским министром иностранных дел А. Рапацким инициировали диалог Восток – Запад, который позже, в 1972 г., привел к началу Конференции безопасности и сотрудничества в Европе, закончившейся в 1975 г. Заключительным актом в Хельсинки.

Отношения советского и польского лидеров стали настолько теплыми, что Брежнев задумал наградить Гомулку по случаю 65-летия Золотой Звездой и званием Героя Советского Союза. Но щепетильный поляк согласился принять только орден Ленина, который и был ему вручен в Кремлевском Дворце в день празднования 100-й годовщины рождения вождя мирового пролетариата 22 апреля 1970 г.

В КЛЕЩАХ КРИЗИСА 1970 ГОДА

Симптомы нового общественно-экономического кризиса обнаруживались все явственнее. Представления Гомулки о направлениях и методах развития страны, его устремления на рубеже 70-х годов переставали совпадать с настроениями общества. К его удивлению, легкое приоткрытые железного занавеса и расширение контактов с Западом резко усилили влияние западного стиля жизни, общества потребления на польское население. Молодые люди не имели опыта своих родителей военных и первых послевоенных лет. Будучи рабочими и интеллигентами во втором поколении, они хотели жить значительно лучше, чем их отцы.

Для Гомулки бунт рабочих судоверфей в декабре 1970 г. явился неожиданностью. Ему не было понятно, почему корабелы, которые относились к хорошо зарабатывавшей профессиональной группе, выступили против повышения цен. Когда дошло до того, что городами побережья стала править улица, Гомулка приказал использовать угрозу применения оружия для наведения порядка, считая, что уступать под давлением общества никак нельзя. В итоге он стал заложником военно-милицейского насилия. В системе, лишенной демократических предохранителей, этого избежать оказалось невозможно.

Когда массовое движение протеста вылилось на улицы польского Побережья, это крайне встревожило лидеров социалистического содружества. После недавней “Пражской весны” ситуация вновь становилась критической. События в Польше были восприняты советским руководством с большим беспокойством, но на силовое вмешательство Брежнев не был готов идти. При этом, как убедился сраженный к тому времени онкологическим заболеванием В. Гомулка, он “был лучше информирован о том, что происходило на Побережье, чем я сам”⁸².

Считая недопустимым введение войск Варшавского Договора в Польшу “по приглашению”, Гомулка торопился сначала “вернуть порядок” своими силами, а потом

⁸¹ *Wojna R. Odra – Nysa, historyczna zasługa PRL. – Polska pod rządami PZPR. Warszawa, 2000, s. 325–326.*

⁸² *Władysław Gomułka i jego epoka, s. 325.*

искать политическое решение. Однако Москва, недовольная как самостоятельностью польского лидера, так и его неспособностью с больничной койки реагировать быстро, уже приняла решение. Брежнев позвонил в Варшаву и от имени Политбюро ЦК КПСС предложил ему как “ответственному” за “контрреволюционные события” подать в отставку по состоянию здоровья, подтвердив согласие письменно. Между тем, Гомулка, продумывая план дальнейших действий, считал необходимым отделить бастовавших и вышедших на улицы рабочих, которых отнюдь не воспринимал как “контрреволюционные элементы”, от элементов уголовных (позже он указывал, что это вскоре поняли и сами рабочие, которые в годы “Солидарности” уже не выходили в период забастовок за пределы предприятий). Он намеревался отложить на три месяца повышение цен и провести широкое обсуждение этой меры с ее возможным смягчением. Наконец, ему виделась организация в Варшаве конгресса рабочих и переговоров с делегатами коллективов крупных предприятий относительно проведения экономической реформы⁸³. Однако его предложения, в том числе пожелание выбрать нового Первого секретаря ЦК ПОРП после спада напряженности, принято не было. Ему пришлось оставить свой пост, который был передан Э. Гереку: «Для них, – говорил он незадолго до смерти, последовавшей 1 сентября 1982 г., – “хозяином” был не я, а Брежнев»⁸⁴.

Декабрьские события стали не только кульминацией трудного, противоречивого этапа развития страны, вступившей в полосу кризисов и конфликтов “реального социализма”. Для Гомулки они обернулись потерей былого авторитета как в массах, так и в партии. Когда в марте 1971 г. он передал руководству 80-сторонний обстоятельный анализ ситуации в стране, настаивая на его коллективном обсуждении в ЦК, его члены даже не узнали об этом. А смутное, кризисное время множило резкие выпады и обвинения в его адрес. Апогеем этой кампании стало издание в 1973 г. в Израиле пасквиля “Мои четырнадцать лет” – якобы воспоминаний Гомулки. Эта фальшивка была разоблачена на страницах “Трибуны люду” только 11 мая 1982 г., за четыре месяца до его смерти.

Молчание вокруг его имени было прервано со сменой власти, когда деятельность Гомулки получила объективную оценку. Он предстал перед современниками как вдумчивый аналитик, органично воспринимавший реальность, лучше многих чувствовавший как нужды своего народа, так и государственные интересы и изгибы внешней политики. Было признано, что с 1956 г. он 14 лет был бесспорным и эффективным руководителем страны, но отнюдь не волюнтаристом. При этом его слово было законом, его воля определяла ход общественных процессов в стране. В этом отношении он в конце 60-х годов уже соответствовал модели лидера авторитарного государства, типичной для стран “реального социализма”. Будучи человеком решительным и жестким, а временами и прямолинейным, он, однако, старался не злоупотреблять властью, искал союзников и умел принимать компромиссные решения. Хотя и ограниченная, личная свобода граждан грубо не нарушалась, кроме событий марта 1968 г. и декабря 1970 г. В своей записке от марта 1971 г. он с укором напоминал товарищам, что решение о мерах преодоления конфликта 1970 г. принималось коллективно, т.е. при участии членов Политбюро и секретарей ЦК: “Почему же ПБ и ЦК не были в состоянии защитить партию и правительство от автократизма Гомулки?”⁸⁵.

Гомулка ясно ощущал необходимость социально-экономических перемен, но ему трудно было совладать с кризисными ситуациями, стать во главе новых тенденций и обеспечить удовлетворение социальных потребностей населения. Его верным, перспективным наметкам назревавших системных преобразований суждено было начать осуществляться лишь в конце следующего десятилетия.

⁸³ Ibid., s. 331–332.

⁸⁴ Ibid., s. 333.

⁸⁵ *Syzdek E., Syzdek B. Polityczne dylematy Władysława Gomułki. Warszawa, 1985, s. 247.*